

*Памяти Генри Роббинса**
(1927–1979)

* Легендарный редактор американского издательства «Даттон», где издавались произведения Дж. К. Оутс.

Предисловие автора к первому русскому изданию

В большинстве случаев найти ключ к художественному произведению — значит подобрать «голос», ритм, уникальную мелодику; точный способ *видеть* и *слышать*, который откроет автору доступ в создаваемый им мир. (Мир этот подчас настолько реален в воображении, что его конструирование, говоря языком формального искусства, является вос-созданием, ре-конструкцией). Порой писателю приходится ждать долгое время, пока он не подберет этот ключ, а бывает, он находит его совсем быстро. Задумав «Сагу о Бельфлёрах», я ждала этого несколько лет.

Весь роман вырос из одного четкого образа: сад, обнесенный стеной, — роскошный, но постепенно приходящий в упадок; старый, заросший — и все же поражающий своей незаурядной красотой. В этом зачарованном месте малышка Джермейн будет дремать в своей «королевской» колыбели; а другое дитя, не столь благословенное, унесет в когтях гигантская птица-падальщик. В моем воображении замок Бельфлёров рисовался с пугающей отчетливостью, и все же мне удалось подобраться в нему, лишь придумав все окружающее пространство — замок, земли вокруг, воды озера Лейк-Нуар, местность под названием Чотоква, весь штат целиком с его бурной историей да и всю страну с историей не менее драматичной. В центре внимания оказался род Бельфлёров — своего рода

Предисловие автора

увеличительное стекло, через которое мы наблюдаем «внешний мир», мир довольно жалкий и в ряде случаев смехотворный в сравнении с главными амбициями Бельфлёров: обретением собственной империи и обогащением. Меня всегда занимал тот факт, что в XIX—XX веках американские богачи, стремясь утвердиться в качестве «аристократии», строили себе гигантские замки, причем во многих случаях привозили для этого огромные фрагменты европейских замков. (Замок, изначально, — это сооружение с зубчатыми стенами, то есть военное укрепление). Американские замки завораживают как сами по себе, так и своим глубоким символизмом. Самый одиозный из них, конечно — замок Хёрста Сан-Симеон. Так что сад, обнесенный стеной, был частью именно замка, хотя сами Бельфлёры в приступе нехарактерной для них скромности предпочитали называть свое жилище усадьбой.

Итак, на то, чтобы найти «голос», ритм и интонацию «Саги о Бельфлёрах», у меня ушло несколько лет. К тому времени как я наконец приступила к роману, у меня накопилось около тысячи страниц материала — от небрежных записей в пару строк до тщательно выписанных готовых сцен, которые затем войдут в окончательный текст практически без изменений. «Сага» стала самой эмоционально затратной и завораживающей из всех моих книг. Порой я даже называла ее своим «вампирским романом» — настолько она, казалось, высасывала из меня жизненные соки при моей полной беспомощности, — однако, завершив его, я испытала приступ настоящей ностальгии, словно по родному месту, да и сейчас порой тоскую, вспоминая о Бельфлёрах — замке и местности вокруг него, героях, которых я, в некоем причудливом смысле, успела полюбить.

Фантазийное устройство «готического» романа подразумевает периодическое дополнение реалистических психологическо-эмоциональных сцен элемен-

тами мистики. Все мы видели «кривые» зеркала, и стареем мы с разной скоростью, встречали мы и людей, который с радостью «высосали бы из нас кровь» словно настоящие вампиры; и все мы испытываем болезненную тягу к смерти — если не к самим мертвым, то, по крайней мере, к мыслям о них. У каждого в жизни бывают моменты, когда вдруг осознаёшь, что люди вообще-то весьма загадочны — и такими и останутся, да и ты сам, твои стремления, увлечения, даже логика, необъяснимы в основе своей. А порой мы чувствуем, будто мы прокляты; а потом — что осенены благодатью, «избраны» для того, что называется «особой миссией». Мы довольно суеверны — как правило, это касается совпадений, когда некие события доказывают нам, что, возможно, совпадение есть способ освоения хаотичности мира. Писатель, взявшийся за написание «экспериментальной готической прозы», переосмысливает все эти факторы в «готическом» ключе. И если этот жанр волнует вас (автора он точно захватывает полностью), то лишь потому, что корни его уходят в психологический реализм. Большая часть романа отражает мою собственную жизнь и описывает людей, которых я знала. Конечно, немаловажно, что мой отец, Фредерик Оутс, в молодости был до безумия увлечен авиацией и множество раз брал меня в полет на маленьких самолетах; важно и то, что моя мать Кэролайн, как и Лея, стала мамой в совсем юном возрасте, и я помню ее такой — почти девчонкой. Но Гидеон и Лея вовсе не списаны целиком с моих родителей.

«Сага о Бельфлёрах», безусловно, выходит далеко за рамки «готического романа»; утверждать обратное было бы лицемерием с моей стороны. Этот роман, помимо прочего — критический взгляд на Америку, подчеркивающий, при всем пессимизме, невероятное стремление к личной свободе. Один за одним дети Бельфлёров сбрасывают с себя семейное «проклятие» (или «благословение»); один за одним отправляются

Предисловие автора

дальше, в глубь Америки, чтобы осознать самое себя. Пусть замок разрушен, но молодые Бельфлёры живы. У них есть главное преимущество — молодость. Я по-прежнему вижу Америку, несмотря на потрясения последних лет, как нацию, ведомую молодыми. Пусть прошлое является для нас тяжелой ношей, но оно не может поглотить нас, и уж тем более — определить наше будущее. Америка — это сказ, который продолжается, и концовка его никому не известна.

Примечание автора

Перед вами плод воображения, обязанный со смирением, но и с определенной дерзостью подчиняться законам воображения. Время здесь обладает способностью сворачиваться в клубок, извиваться, истираться в пыль, после чего воскресает с прежней силой. «Диалог» здесь то упрятан в повествовании, то представлен в своей традиционной форме. Невероятное наделено здесь высшим правом и многогранностью, обычно свойственными реалистической прозе: таково было намерение автора. «Бельфлёры» — это странство, состояние души; оно и впрямь существует — и свои, непреложные законы внутри него следуют строжайшей логике.

Джойс Кэрол Оутс

Вечность есть играющее дитя, которое
расставляет шашки: царство над миром
принадлежит ребенку.

Гераклит

Книга первая

МАЛЕЛЕИЛ

Явление Малелеила

Много лет назад, когда время превратилось в темный, непроницаемый омут, еще до рождения Джермейн (почти за год до него), ночью в конце сентября, когда остервенелые ветра, подобно вступившим в схватку духам, выли порой заунывно, порой сердито, а то нежно, как скрипка, отчего шея и руки покрывались мурашками, — в такую вот ночь, пронзительную, неуютную, полную невыразимой тоски, Лея и Гидеон Бельфлёры, лежа в своей гигантской кровати, вновь поссорились, и ссора эта закончилась слезами, потому что тела простых смертных были неспособны вместить столь ненасытную любовь; они хлестали друг друга злыми, бесцеремонными, невыносимыми словами, словно шелковыми плетьюми (ведь каждый был убежден, что второй просто неспособен стать достойным его любви — Лея не верила, что мужская любовь может обладать глубиной, мера которой — молчание, присущее лесным озерам; а Гидеон сомневался, что женщине дано постичь природу мужской страсти, разрывающей изнутри, оставляющей его изломанным и изможденным, уязвимым, как дитя). В эту смятенную, исполосованную дождем ночь Малелеил и явился в поместье Бельфлёр на западном берегу огромного озера, Лейк-Нуар, где ему суждено было провести без малого пять лет.

Усадьбу семейства Бельфлёр местные окрестили замком, хотя владельцам это определение было не по

вкусу. Даже Рафаэля Бельфлёра, который несколько десятилетий назад возвел это потрясающее сооружение, обошедшееся ему в полтора миллиона долларов, отчасти — в качестве подарка его жене Вайолет, а отчасти задуманный как стратегический шаг в борьбе за политическое влияние, слово «замок» раздражало и смущало. От него веяло Старым Светом, прошлым, Европой — этим «гнилым кладбищем», как частенько выражался Рафаэль. Слова он проговаривал четко, чуть в нос, словно обращаясь к публике. Когда его дед, Жан-Пьера Бельфлёра, изгнали из Франции, а герцог де Бельфлёр отрекся от сына, прошлое просто-напросто прекратило свое существование. «Теперь все мы — американцы, — говорил Рафаэль. — Выбирать не приходится, будем американцами».

Особняк был построен на вершине пологого холма, покрытого травой и окруженного канадскими соснами, елями и кленами. С него открывался вид на Лейк-Нуар, а в отдалении — на окутанную туманом гору Маунт-Чаттарой, самый высокий пик Чотоквы. Внушительные размеры и стены с башенками и впрямь наводили на мысли о замке, а английскую готику здесь разбавляли мавританские мотивы: по мере того, как Рафаэль знакомился с бесчисленным множеством чертежей европейских замков и прогонял одного архитектора за другим, вид сооружения неизбежно менялся. Никогда прежде в этой части света не видели такой суровой, величественной красоты. Строительство заняло семь лет; вела его целая армия опытных мастеров, и за это время фамилия Бельфлёр стала известна по всей округе и превратилась в объект восхищения, лести (от которой Рафаэль вскоре утомился, хоть и принимал как должное) — и издевки со стороны журналистов (что приводило его не столько в гнев, сколько в недоумение: он был убежден, что у истинно культурного человека в здравом уме его великолепный дом может вызывать только

восторг). Бельфлёров особняк, замок, Бельфлёров склеп, Бельфлёрова блажь — как только его не называли. Однако в одном все были едины: никогда прежде долина Нотога не видала ничего подобного.

Дом на шестьдесят четыре комнаты был построен из известняка и гранита, добытого в Бельфлёровых каменоломнях в Иннисфейле, а для цементного раствора сюда привезли на телегах тонны песка из карьеров на Серебряном озере, также принадлежавших семье. Особняк делился на три части — центральную и два прилегающих крыла, каждое в три этажа высотой и увенчанное зубчатыми башнями, что стремились вверх с причудливой тяжеловесной грацией. (Они были спроектированы специально для контраста с более вычурными мавританскими башенками, расположенными по углам фасадов. Вокруг эркерных окон и гигантских сводчатых проходов были выложены спирали из более светлого известняка — настоящая услада для глаз. Крышу почти полностью покрывали тяжелые плиты привозного шифера, однако кое-где их сменяли медные листы, порой блестящие на солнце так, что казалось, будто дом объят огнем — он словно пылал, не сгорая. С противоположного берега Лейк-Нуар, то есть с расстояния в десятки миль, дом выглядел зловеще прекрасным, меняя цвет в течение дня: сизый, грязно-розовый, пурпурный, насыщенный зеленый. Тяжелое, почти похоронное чувство, возникавшее, если смотреть на стены, колонны, башенки и покатую крышу вблизи, в отдалении исчезало, и усадьба Бельфлёр выглядела воздушной и зыбкой, подобно хрупкому разноцветью радуги...

Затянувшееся строительство вызывало у Рафаэля недовольство, которое по завершении так и не исчезло. Он досадовал, что холл недостаточно просторен, что крытые въездные ворота не такие, как он хотел, что для кучерского дома не выбрали камень потем-

нее. Стены получились всего шести футов толщиной (Рафаэль опасался пожаров, погубивших уже не одну деревянную усадьбу в округе), а крытая галерея на втором этаже с мощными колоннами, соединявшими первый и третий, показалась ему уродливой. К тому же, вполне вероятно, что комнат на всех не хватит: что, если члены партии решат однажды собраться в его особняке? Для таких незаурядных гостей нужна гостевая зала, поражающая размерами и красотой (позже в доме появилась Бирюзовая комната), привратничьих требовалось три, а не две, причем центральную надо было сделать вместительнее. Меряя беспокойными шагами свое творение, он мучительно пытался оценить его и не мог решить, действительно ли оно прекрасно, как говорит молва, или нелепо, как подсказывают ему глаза. Впрочем, отступить нельзя: надо двигаться вперед. Уже разгрузили последнюю подводу со стройматериалами, прибывшую из-за перевала у Нотога-Фоллз, уже установили последнюю панель витражного стекла и доставили всю антикварную и выполненную по особому заказу мебель; уже развесили картины и гобелены, укрыли полы восточными коврами; разбили парки и сады и засыпали гравием дорожки; уже оклеили дорожками заграничными обоями последнюю комнату и врезали в массивные стальные двери замки; уже последний плотник — а за эти годы здесь побывали и немцы, и венгры, и бельгийцы, и испанцы — прибил последнюю доску, или вставил последнюю балясину красного дерева, или уложил последнюю тиковую половицу; уже красовался на своем месте привезенный из Италии белый мраморный камин и блестящие хрусталем и золотом канделябры; уже добрались до Рафаэля мозаика, скульптуры, ткани и облицовка... И тогда он огляделся, поправил на носу пенсне и покорно вздохнул. Он все это создал, значит, здесь ему и жить.